

Михаил БАРУ

ЧЕЛОБИТНЫЕ ОВДОКИМА БУРУНОВА

Шенкурск

Первые восемьсот пятьдесят километров из Москвы в Шенкурск ехать легко – трасса «Холмогоры» гладкая и удобная, а за Вологдой машин так мало и нога сама так давит на педаль газа, что штрафы за превышение скорости потом замучаешься оплачивать. Для того чтобы попасть в Шенкурск, нужно с трассы свернуть и доехать до реки Вага по уже не очень хорошей дороге и переехать реку по понтонному мосту. Мост принадлежит какому-то частному лицу, и проезд по нему в одну сторону стоит сто рублей. Не для москвичей или вологодцев с архангельцами, а для всех, и для шенкурян в первую очередь. Зимой по льду Ваги дешевле. Это если идти пешком по подготовленной дороге, и бесплатно, если идти на свой страх и риск безо всякой дороги. По-другому к Шенкурску практически не добраться. В принципе, государство должно рядом с платной дорогой... Ну, это в принципе, о котором не стоит и вспоминать. И вообще моста через Вагу в районе Шенкурска нет с самого первого письменного упоминания города в 1137 году в Уставе новгородского князя Святослава.

Географический словарь Российского государства, вышедший в начале девятнадцатого века честно и просто пояснял появление Шенкурска «Что касается до начала сего города, кем он основан и построен, и на какой случай, точного известия нет». Впрочем, тогда сей город и не думал называться Шенкурском, а был Усть-Вагой или просто Вагой, расположенной в месте впадения в Вагу реки Шеньга. Некоторые ученые считают, что написанное в Уставе «оустье Ваг» вообще означает не поселение и тем более никакой не город, а совокупность поселений в устье Ваги, в том месте, где она впадает в Северную Двину, и находится оно... Если так считать, то все шенкурские стелы, на которых большими железными цифрами написан год его основания, придется переделывать. Кто же на такое согласится...

Со временем река Шеньга изменила свое русло и стала впадать в Вагу выше того места, где теперь находится Шенкурск, а в том месте, где она раньше впадала, осталась так называемая курья, то есть старица, или попросту участок прежнего русла реки. Берем Шеньгу и прикрепляем к ней курью, лишние буквы убираем, нужные добавляем, и в итоге получается... Если спросить у археологов, то они вам скажут, что в двенадцатом веке никакого города, конечно, не было. Было городище, окруженное частоколом. Жили в нем в землянках с еще не очень хорошо прирученными собаками и еще хуже прирученными кошками славяне, потеснившие финно-угров, которым, когда они пришли в эти места в девятом веке, и теснить-то, кроме медведей и кабанов с волками, было некого. Остатки этого городища в виде небольшого холма видны и теперь, но большую часть его смыла Вага, которая время от времени вымывает оттуда обломки глиняных горшков, костей съеденных кабанов, лосей, лещей и хариусов, бронзовых украшений, рыболовных крючков, наконечников всего того, что можно наконечить, и тащит по направлению к Северной Двине. Так что большая часть всех тех сокровищ, от которых теряют голову археологи, разбросана по дну Ваги. Рядом с холмом протекает по дну оврага впадающий в Вагу ручей. Археологи говорят, что он искусственный и прокопали его те самые первые поселенцы в оборонительных целях. Вот он и охраняет до сих пор то, что осталось от

городища. В том месте, где ручей впадает в реку, раньше была пристань, к которой еще в советское время приставали теплоходы, поднимавшиеся вверх по Северной Двине и Ваге от самого Архангельска. Теперь на Ваге кроме рыбачьих лодок да крошечных буксиров никого не увидишь. Пристани в Шенкурске тоже нет, но на берегу, у того места где она была, раз в год в самом начале ледохода собирается молодежь и гуляет у давно заколоченной мертвой избушки под названием «Спорт-бар» с живым пивом и прямыми трансляциями спортивных игр. Когда-нибудь Вага и эти пустые пивные бутылки, банки и пакеты из-под чипсов отнесет и сложит в то место, где у нее спрятаны наконечники стрел и обломки глиняных горшков.

К концу двенадцатого века в этих местах жили славяне, а финно-угры, которые тогда назывались чудью белоглазой или чудью заволочской (то есть жившей за волоком), частью смешались со славянами, частью забрались в совсем уж непроходимые лесные дебри, а некоторые и вовсе превратились в старичков-лесовичков, водяных, русалок, леших и кикимор, которых здесь и сейчас полно из-за многочисленных болот. Существует еще и легенда, по которой последняя чудская знать, не желающая идти в рабство, выкопала глубокий погреб, забралась в него и обрушила на себя землю. По верованиям туземцев душа раба и на том свете будет рабой. Ради свободы в загробной жизни они и лишили себя той, что у них была. Все это, конечно, красивая легенда, совершенно не объясняющая существование огромного количества кикимор, леших и русалок, населяющих со времен средневековья леса, реки и болота здешних мест.

О первых десятилетиях существования поселения не известно примерно ничего, кроме того, что эти места приглянулись новгородским боярам и ростово-суздальским князьям – и те и другие захотели сделать из них, выражаясь современным языком, свою налоговую базу. Новгородцы были проворнее, если не сказать пронырливее. Они приходили в Поважье торговыми гостями и скупщиками пушнины у туземцев. Устраивали свои погосты со складами внутри, завозили на эти склады товары, дюжих охранников, укрепляли эти склады так, что они превращались в осадные дворы, и... В триста пятнадцатом году важский староста Азика «с братией», которую звали Ровда, Игнатец и Харагинец, продали новгородскому посаднику Василию Матвеевичу Едемскому Шенкурский погост и земли вокруг него за десять рублей серебром и двадцать тысяч беличьих шкур. «А что Шенкурского погоста и земли и воды, и леса лешнии, и реки и лешнии реки, и мхи, и озера, и соколя гнезда, где ни есть Шенкурского погоста, то все Василью себе и своим детям в веки». Тот, кто нарушит этот договор, называвшийся «рядной записью», должен был уплатить штраф в размере двадцати гривен золота и посаднику, и новгородскому князю. Десять рублей серебром староста с братией пересчитали быстро, а вот двадцать тысяч белок считали и пересчитывали до утра.

Внук Василия Матвеевича, Василий Степанович, через сто лет переехал в эти места, постригся в монахи и основал Иоанно-Богословский монастырь. Еще через сто лет он был приобщен к лику святых под именем Варлаама Важского. То есть сначала-то он почти всю жизнь прожил в Новгороде посадником, а на старости лет разделил все свое – и, надо сказать, немалое – добро между десятью детьми, но часть все же оставил себе. На эти деньги он в семнадцати верстах от Шенкурска построил укрепленную усадьбу на берегу речки Пинежки. Неподалеку от усадьбы возник монастырь, в который Василий Степанович¹ и удалился уже в самом конце своей бурной жизни, перед этим пожертвовав монастырю часть своих земельных владений. Как раз на том месте, где инок Варлаам молился, после его смерти забил родник, потом над родником поставили колодец, потом во время одного из разливов Ваги в середине шестнадцатого века гроб с телом Варлаама вскрылся и тогдашний игумен с братией обнаружили, что мощи Варлаама нетленны, потом пошли исцеления... Или они уже были до того... Короче говоря, через самое короткое время после вскрытия гроба и освидетельствования мощей Варлаам был причислен к лику святых.

За четырнадцатый век Шенкурский погост умудрился так подрасти, что в конце

века в Устюжском летописце он назван Великим. Наверное потому, что устюжский летописец из своей Устюжны дальше какого-нибудь Весьегонска, которого тогда и на свете не было, не выезжал ни разу. В четырнадцатом веке в Шенкурске по грамоте новгородского архиепископа была построена деревянная церковь во имя архистратига Михаила.

После битвы на реке Шелони, в которой московские войска наголову разбили новгородское ополчение, земли в Поважье вместе с Шенкурским погостом перешли под руку Московского Великого князя. Впервые Шенкурск назван городком в жалованной грамоте Ивана Грозного в пятьсот пятьдесят третьем году. Не погостом, а городком. Это значит то, что в Шенкурске была крепость. Понятно, что деревянная, понятно, что маленькая, но крепость. Жалованная грамота была дана городовому приказчику Ивану Васильеву, сыну Федора Едемского, который и стал управлять Шенкурском вместо проворовавшихся царских наместников, обиравших местное население так, что ходоки из Важского уезда явились в Москву и подали царю челобитную, в которой предложили свою кандидатуру на пост городского головы. Царь взял... и согласился.

Через восемь лет Шенкурск, названный городом Вагой, в числе двадцати северных городов был записан Грозным в опричнину. Если взглянуть на список этих северных городов, в котором были Вологда, Великий Устюг, Тотма, Сольвычегодск, то сразу становится понятно – бедных в него не записывали. После смерти Грозного Вага, она же Шенкурск, к тому времени уже записанная в земщину, попала в еще один список. Борис Годунов, предварительно выяснив «сколько с Ваги каких денежных доходов до Борисова владенья платили», записал ее в приданое своей дочери Ксении, которая вот-вот должна была выйти замуж за датского принца Иоанна Шлезвиг-Гольштейнского, но... не вышла, и Вага так и осталась за царем.

Посреди Смуты, в феврале шестьсот тринадцатого года крестьяне Шенкурского и Ледского станов собрали в дорогу Овдокима Олферьева Бурунова и велели «итти ему к Москве... и бить челом боярам и воеводам по той челобитной о всяких наших мирских нуждах и без указа с Москвы не сойти»². Это все равно что в феврале девятьсот восемнадцатого года идти ходоком к Ленину по огромной заледеневшей стране, ежечасно подвергаясь опасности быть схваченным то поляками, то казаками, то литовцами, то красными, то белыми, то быть съеденным в дремучем лесу волками, пряча под худым армяком челобитную, в которой неуклюжими крестьянскими буквами написано: «Покорнейше просим Советскую власть защитить нас от полного разорения и выдать нашим делегатам бумагу с пояснением, что можно с нас требовать и что нельзя, дабы мы могли в случае чего предъявить ее местным властям, а также чтобы наши делегаты могли оправдаться, что они все делали в соответствии с этим наказом»³, но это уже двадцатый век, хотя крестьяне все те же – из той же губернии, но соседнего с Шенкурским Вельского уезда. Без указа с Москвы не сойти... Между этими двумя челобитными была еще одна – безотказного Овдокима Бурунова в шестьсот двадцать первом году снова отправили с челобитной в столицу. Видимо, толку от первого похода было мало и боярам с воеводами веры уже не было, а потому земляки Бурунова велели ему бить челом или царю лично, или патриарху Филарету, а «опричь государя и святейшего патриарха Филарета мирских наших челобитных в иных приказах не подавать нигде»⁴. Как живой стоит у меня перед глазами вернувшийся домой и до смерти уставший, обносившийся и оголодавший Бурунов. Снимает он шапку, показывает мужикам разбитое чело с огромным, уже желто-багровым синяком, и говорит в сердцах: «...Хоть убейте меня, хоть на части разрежьте, но, чтобы я еще хоть раз делегатом...»

Не надо, однако, думать, что жители Важского уезда умели только посылать ходоков с челобитными в Москву и, повторяя «Суди его бог!», разводиться безнадежно руками. Из сорока шести человек, сосланных в Сибирь на вечное поселение после подавления разинского восстания, треть была дворцовыми крестьянами Важского уезда.

В том же шестьсот двадцать первом году запись о Шенкурской крепости

появляется в дозорных важских писцовых книгах, и это не просто упоминание о том, что она существует, а ее описание. Город был огражден частоколом и рвом, имел четверо воротных и десять глухих башен. На башнях были установлены три полуторные пищали и две скорострельных пушки, предназначенных для стрельбы с крепостной стены, а кроме того мушкеты, порох, свинец, ядра железные, свинцовые и дюжина стрельцов, вооруженных казенными пищалами. На гостином дворе было уже без малого три десятка лавок с сидельцами и кабак, а на воеводском – съезжая изба и тюрьма. Кроме соборной церкви выстроили еще две, а к ним восемь келий и пять дворов священнослужителей. Посад насчитывал пятьдесят девять дворов. Это был уже не эмбрион города, не погост, а настоящий город с шумной толчеей у торговых лавок, с кривыми грязными переулками, с лаем цепных псов, с пьяными драками стрельцов у дверей кабака, колокольным звоном по праздникам и набатом во время неперенных пожаров.

Шенкуряне, кроме охраны крепости, крестьянского труда и торговли хлебом, занимались тем, что плели сети, невода, пряли пряжу, вязали чулки и шили рукавицы. Делали они это на продажу, и большей частью всю эту продукцию у них покупала Сибирь. Через посредников, которыми были купцы, к примеру, из Великого Устюга. Им жители Поважья продавали свои неводные сети десятками и сотнями саженой. Промышленники и стрельцы, уходившие в Зауралье, брали с собой кроме наборов с инструментами теплые рукавицы, вязаные чулки и, конечно, сети, чтобы ловить рыбу, которой они в этих безлюдных и суровых местах большей частью и питались.

Все эти сети, чулки и рукавицы были, если так можно сказать, легкой промышленностью, а тяжелой был пушечно-литейный завод, открывшийся в шестьсот сорок четвертом году в двенадцати верстах от Шенкурска. История не сохранила имени того, кто его основал. Известно только, что он был иностранец. Работал завод на местной болотной руде. В местном музее есть пушка этого завода. Пушка как пушка – длиной почти три метра. Стреляла десятисантиметровыми в диаметре ядрами. Завод проработал до самого конца семнадцатого века. Его, как предполагают местные краеведы, закрыл Петр, поскольку в Олонецкой губернии нашли железную руду гораздо лучшего качества. Вот, собственно, и вся Шенкурская промышленность в те времена. Исключая, конечно, смолокурение, которым в той или иной степени занимались почти все крестьяне. В самом конце семнадцатого века смолокурение в Поважье по царскому указу было отдано на откуп иностранцу Томасу Кильдерману.

В начале восемнадцатого века Важский уезд, в состав которого входил и Шенкурск, был приписан к Архангелогородской губернии, но в семьсот пятьдесят седьмом году огромный уезд разделили на две половины – Шенкурскую и Верховажскую. Центром Верховажской половины стал Вельск, а Шенкурской – Шенкурск. Говорить о том, что Шенкурск к восемнадцатому веку стал крупным ремесленным центром, не приходится. И то сказать – по переписной книге шестьсот семьдесят восьмого года во всех посадах Важской земли было немногим менее трехсот тягловых дворов. В одних Холмогорах было в два раза больше. Правда, в соседнем Вельске к тому времени было дворов в семь раз меньше, чем в Шенкурске, но это утешало мало.

Вообще начало восемнадцатого века было в городе, как почти везде в России, тяжелым. Плотников по корабельному делу в Санкт-Петербург пришли, кузнецов пришли, токарей, которых, может, у тебя в Шенкурске и нет вовсе, все равно пришли, да подводы дай, да запас продуктов на дорогу дай, да налоги на все, кроме воздуха и воды, заплати, а потом, как новый год придет – снова начинай присылать и платить. И при этом зиму, которая длилась полгода, и морозы под сорок градусов никто не отменял. В гостином дворе пустовали семнадцать лавок, и полтора десятка крестьянских дворов стояли заколоченных, поскольку их владельцы «сошли от хлебной скудости». В бумагах приказной палаты Шенкурска за семьсот восьмой год обнаружена запись коменданта о том, что крестьяне Важского уезда хотят «дворы свои и тяглые жеребьи метать в пусто и ехать в Сибирь и в ыные города и уезды и для того тяглых жеребьев не засевают и скот и

скарб избывают».

В сентябре семьсот шестого года по царскому указу велено было строить таможенную, амбары, погреба, ледники и водяную мельницу, а для этого по высокой воде весной доставить к Шенкурску две тысячи сосновых бревен, пять тысяч пластин драни, семь десятков тесин... Не доставили. Пока думали, как отписать начальству, что обстоятельства, что погода... пришел новый указ с требованием строительство завершить. Ну, и прислать очередных плотников с кузнецами в Петербург. И это не все. В семьсот десятом году приказано было «подрядить охочих добрый людей», чтобы произвести сорок тысяч бочек смолы к приходу в Архангельск иностранных торговых кораблей. Смолокурение при Петре, кстати сказать, было не только способом заработать денег – оно было и повинностью, поскольку смолой можно и нужно было платить налоги. И смолу-то эту, проклятую, выкурить просто так, нарубивши дров и спалив их, было нельзя. Сначала купи патент, потом заплати...

Во второй половине восемнадцатого века Сенат озаботился увеличением производства смолы. Велено было курить смолу так, как это делали на Западе – в печах из огнеупорного кирпича. Важские смолокуры обычно никакими печами не пользовались – им для организации процесса достаточно было вырытой ямы. Сенатская задумка была хорошей – в печах можно было использовать и пни, и корни, и просто упавшие и сломанные деревья. В Сенате все расчислили заранее – «сколько бочек из стоячего леса и сколько из пня и корня той смолы выкурить надлежит...»⁵. Использование такого рода печей позволило бы не только увеличить производство смолы, но и хорошей строевой лес меньше тратить на выкуривание смолы. Если бы все это можно было объяснить крестьянам и убедить их, то они непременно построили бы печи и выкорчевывали все до единого пня и корни, чтобы из них гнать смолу. Если бы...

Шенкурск был городом чиновников, купцов и монахинь. У находившегося в городе Свято-Троицкого монастыря, основанного еще в шестьсот шестьдесят четвертом году, так хорошо шли дела, что в семьсот девятнадцатом году на его звоннице установили куранты, стоившие по тем временам немалых денег. Интересно, что первоначально эти куранты заводились по святцам на два отделения – дневное и ночное. Дневное начиналось с восходом и шло до заката, а ночное – от заката до восхода. Такие куранты назывались «русскими» и в них была всего одна стрелка, стоящая на месте. Двигалось в них кольцо с буквами, обозначающими часы, а сами часы были не одинаковыми по длительности, как сейчас, а разными, и назвались косыми... Короче говоря, все это было очень сложно, и правильно ответить на вопрос «который час» не всегда могла даже игуменья монастыря, а потому через сорок три года механизм и циферблат переделали на современный лад с часовой и минутной стрелками. Правда, к тому времени монастырь успел захиреть, и через год после того, как часы модернизировали, монастырь закрыли и оставшихся четырех монахинь отправили в Холмогорский Успенский монастырь, а еще через пятнадцать лет монастырь восстановили и сделали мужским, а еще через семьдесят восемь лет, уже в девятнадцатом веке, его снова сделали женским, и его из Холмогор приехали возвращать к жизни сорок монахинь во главе с игуменьею Феофанией. И так хорошо восстановили, что в монастыре перед приходом большевиков были мастерские и золотошвейные, и иконописные, и рукодельные... Ну, до большевиков еще надо добраться, а что касается часов, то их на звоннице монастыря давно уже нет. И самой звонницы нет. И сам монастырь в таком состоянии... Зато в музее есть часть механизма курантов. Как мне сказали в музее – едва ли треть от того, что было. Эта треть, весящая не меньше центнера, представляет собой полтора или два десятка огромных, местами уже ржавых, шестеренок, соединенных в одну конструкцию коваными железными полосами.

Положа руку на сердце, восемнадцатый век не был золотым веком Шенкурска. По городской книге семьсот восемьдесят пятого года в городе числилось сорок четыре дома мещан и восемь купеческих. Лавок было всего одиннадцать, а все население, включая дворян и духовенство, насчитывало около пятисот человек. В первой четверти

семнадцатого века лавок было в три раза больше. Что же до населения, то его по переписной книге шестьсот семьдесят восьмого года было больше на целую треть. При Екатерине Второй, когда Шенкурск стал уездным городом и ему дали герб, на котором был изображен «в зелёном поле идущий серебряный с чёрными глазами, носом, полосой на морде, брюхом и лапами барсук», решили его перестроить. Разработали план, высочайше утвердили его, построили каменное здание присутственных мест, уездное училище и... деньги кончились.

Ближе к концу века по заказу Камер-коллегии было произведено описание Шенкурского уезда, в котором среди прочего было сказано, что «Урожай бывает ржи в пятеро и шестеро, ячменю в четверо и пятеро, овсу втрое и четверо, но лучше всех удаётся рожь; по некоторым селениям в огородах произрастает капуста, лук, горох, редька и репа. Скот у поселян мелкой и в малом количестве, лесу строевого мало, дровяного же боле. Поселяне занимаются ловлею зверей, стрельбою птиц, курением смолы, жжением осинового зола и угля. Избытки свои продают в Архангельске, Шенкурске и на Евдокиевской ярмонке»⁶. Хорошие урожаи ржи, что и говорить. Не хуже, чем в губерниях, расположенных в средней полосе. При том, что почва глинистая и местами каменистая, и ее приходилось раз в два года унавоживать и удобрять грунтом из болот. Пшеницу здесь и не сеяли. Не росла здесь пшеница. Медведи, волки и кабаны росли и вырастали преогромных размеров, а пшеница не хотела. Если мысленно убрать из этого описания восемнадцатый век, то получится семнадцатый, если убрать Евдокиевскую ярмарку, которая проходила в селе Благовещенском известном лишь с начала семнадцатого века, то шестнадцатый, а если убрать Архангельск, то и пятнадцатый. Хотя строевого леса у крестьян тогда было все же побольше. Как и медведей.

Начало девятнадцатого века в Шенкурске стало началом века просвещения. В восемьсот четвертом году в городе открылось первое учебное заведение – приходское училище⁷. В нем был всего один класс и тринадцать учеников. В день его открытия на нужды училища было пожертвовано сто шесть рублей с полтиною. Городничий Странден, уездные судья Львов, исправник Кочерин, казначей Четверухин и соляной пристав Дьячков дали по десять рублей. Какой-то купец из Калужской губернии дал четвертную, градский голова купец Подосенов дал пятнадцать рублей, форшмейстер⁸ Котов и верховажский купец Заровников по пять рублей. Секретарь земского суда Федор Резанов – два с полтиной, а бухгалтер уездного казначейства Степан Резанов и верховажский купец Швецов оторвали от себя по два рубля⁹. Вообще в первые десять лет существования у училища с деньгами было совсем плохо, и градский голова Иван Подосенов... содержал его на свой счет. Предоставил ему дом и постоянно жертвовал различные суммы. Тут можно было бы провести параллель или даже перпендикуляр из девятнадцатого века в..., но мы этого делать не будем, поскольку толку в этом...

Преподавал в училище протоиерей Григорий Заринский. Учеников в первые десять лет было мало – не больше дюжины, а потом стало еще меньше. В четырнадцатом году их осталось всего четыре. Потом снова стало больше, а в шестнадцатом году первые семь учеников смогли закончить полный курс обучения и получить аттестаты об окончании училища. За четырнадцать лет существования училища в нем обучился шестьдесят один ученик, а вот аттестаты об окончании полного курса получили всего двенадцать. Это совсем не значит, что учились они плохо. Дело в том, что родители забирали детей, едва те осваивали азы чтения, письма и арифметики. Детей ждала работа. Забирали их еще и просто потому, что родители не видели пользы в обучении. В восемьсот тридцать пятом году директор уездных училищ с трудом уговорил купца Добрынина и крестьянина Поромова, дети которых отлично учились, оставить их в училище еще на год – в третьем классе. К тому времени правительство дало денег, и одноклассное приходское училище преобразовали сначала в двухклассное уездное, а потом и в трехклассное. Среди учеников появились девочки. Занимались в училище дети крестьян, отставных солдат, купцов и мещан. Учились сыновья почтальона, соляного вахтера, унтер-офицера и барабанщика. В

общей сложности каждый год в училище обучалось не более трех, а иногда и двух десятков учеников. Шенкурское училище среди шести уездных училищ было на последнем месте по числу учеников. Учебники в училище имелись в достаточном количестве, но далеко не все ученики, а вернее, их родители, могли их приобрести. В восьмьсот сороковом году директор училищ Архангельской губернии И.А. Никольский писал в отчете: «...столь малозначительное число учащихся, как уже было упомянуто, единственно зависит от ничтожности самого города Шенкурска, чрезмерной его бедности. Даже нельзя надеяться, чтобы город этот мог когда-либо придти в лучшее, цветущее состояние, но, напротив, за 20 лет тому общество его было гораздо значительнее, нежели в настоящее время, потому, что торговый класс, лишившись тех выгод, коими пользовался в былые времена, принужден постепенно выписываться в другие города, оставляя прежнее свое жилище по местности и изменившимся обстоятельствам вовсе для него бесполезное. Даже нельзя без особенного горестного чувства смотреть на обветшалые одежды учащихся, из коих некоторые, не имея насущного хлеба, принуждены бывают выпрашивать милостыни, а потом идти в училище»¹⁰.

И девятнадцатый век не стал для Шенкурска золотым веком. Если честно, то и серебряным тоже. Само собой, курили смолу и научились при выкуривании смолы получать отличного качества скипидар с канифолью. На Всероссийской промышленной выставке восьмьсот семидесятого года важская смола была удостоена награды. Ее даже в Париж возили на выставку в девятисотом году. В середине века в Шенкурском уезде насчитывалось около шести тысяч смолокуров. Мужского населения на тот период в уезде было чуть более двадцати семи тысяч. То есть каждый четвертый или пятый житель уезда был смолокуром. В уезде работали два пековаренных завода, производивших в год около двух тысяч пудов скипидара и двадцать пять пудов пека, которым в те времена гидроизолировали все, что гидроизолируется – от обувных подошв, до деревянных корабельных корпусов и снастей.

В самом Шенкурске население росло быстро – если в середине века в городе проживало семьсот человек, то к концу века это количество удвоилось. Завелась в городе и ежегодная ярмарка, куда жители окрестных сел и деревень привозили продавать свои «избытки» гороха, капусты, репы, лука, редьки, соленой и вяленой рыбы, глиняных горшков и вязаных носков.

Событий экстраординарных, к счастью, не было ни одного, если не считать визита великого князя Владимира Александровича в Шенкурск летом восьмьсот девяносто девятого года. Суматоха была страшная. О визите стало известно еще в феврале. Планировалось, что великий князь приплывет в Шенкурск по Северной Двине и Ваге, а потом уедет из города на станцию Няндомы Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Тут надобно несколько отступить назад и рассказать о дороге, которая связывала Шенкурск со станцией Няндомы. Вернее, должна была связывать. Как уже понятно, сама железная дорога через маленький захолустный Шенкурск не прошла. Провели ее по кратчайшему маршруту из Вологды до Архангельска по малонаселенным болотистым местам почти на двести верст западнее Шенкурска. Все были недовольны – и Вельск, и Каргополь, и Пинега, и Онега, и Холмогоры, и Шенкурск. Как только дорога в девяносто седьмом году заработала, сразу прекратилась перевозка грузов по Московскому тракту с севера, и сам тракт стал приходить в упадок. И вся рыба, пушнина и дичь, которую везли с севера в Москву и Петербург через Шенкурск, поехала по железной дороге мимо него. Умерли придорожные трактиры, кормившие ямщиков-дальнобойщиков, умерли монтаж и балансировка тележных колес, некому было продать носки и пояса, связанные из волчьей шерсти. Стоимость отправки груза из Вологды в Шенкурск увеличилась вдвое, поскольку теперь приходилось оплачивать дорогу в оба конца. Шенкурские власти погоревали, погоревали – и решились прокладывать грунтовую дорогу из Шенкурска до Няндомы. Собственно говоря, дорога уже существовала, но уж очень узка и извилиста – проехать по ней можно было только в узких санях, запряженных

в одну лошадь, и только зимой. Летом, не говоря о межсезонье, доехать по ней до Няндомы не представлялось возможным – в некоторых топких местах лошадь проваливалась по брюхо. В те времена не только вода была мокрее и трава зеленее, но и грязь на дорогах куда грязнее нынешней. Для начала разработали три варианта постройки дороги. Архангельский губернатор из них выбрал один. После того как составили смету, губернский распорядительный комитет ее урезал, посчитав, что через реку Паденьга можно мост и не строить, а переехать через нее вброд. Поискать как следует подходящий брод и переехать. Архангельский губернатор, рассмотрев урезанную смету на часть дороги от Шенкурска до границы Каргопольского уезда, написал на ней: «Означенная смета, очевидно, рассчитана на такое исправление и устройство данного тракта, какое приближало бы его к типу столичных дорог»¹¹ и не утвердил. На переписку и переговоры ушло два года. В конце концов губернский распорядительный комитет выдал на строительство тысячу рублей вместо запрашиваемых тринадцати тысяч и предписал уездному исправнику на месте решить, какие работы можно сделать сейчас, а какие оставить на потом. Начальство посоветовало исправнику просто убрать камни, засыпать рытвины и застелить топкие места жердями. Выделенных денег было так мало, что решили сократить количество закупаемого песка, жердей и уменьшить ширину дороги с трех до двух саженой. И тут как снег на голову – визит великого князя. Вернее, как камни с неба. Шенкурский исправник срочно выехал осматривать дорогу, чтобы в кратчайшие сроки, с соблюдением строжайшей экономии...

Прямо с пристани, выслушав приветствие, Владимир Александрович отправился в городской собор и на всем пути к собору девочки бросали цветы и даже букеты. В соборе его встретили шесть священников во главе с настоятелем собора. Совершили молебен и по разостланным на земле красным коврам прошли из собора в монастырь, где мать игуменья Рафаила преподнесла его императорскому высочеству икону собственного письма. Потом еще один молебен, потом чай, на следующий день в присутствии великого князя, его свиты, духовенства, местных властей и горожан панихида по новопреставленному наследнику Георгию Александровичу, потом отъезд... в Архангельск по воде, а оттуда уже по железной дороге в столицу.

Что же касается дороги до станции Няндомы, то три тысячи бревен и сто тысяч жердей, которые все же успели закупить, остались лежать на дороге. Через два года после визита великого князя часть болотистых мест на одном из участков все же застелили и даже смогли два раза по этому участку проехать на колесах. И тут земство Каргопольского уезда, по которому должна была пройти часть дороги, решило отказаться от участия в строительстве, несмотря на то что уже и губернский распорядительный комитет был согласен. Весной девятьсот второго года одни крестьяне отказались строить мост на одном участке дороги, а другие запросили за ремонт другого участка такие деньги... В двенадцатом году только переписка по вопросу строительства дороги в Няндому представляла собой огромный том. Только переписка, а дорога... Конечно, это не та Россия, которую мы потеряли, а та Россия, которую как ни теряй...

И еще одно событие ознаменовало конец девятнадцатого века. К этому времени Вага так подмыла крутой берег в том месте, где стояло городище, что он стал обваливаться. В девяносто седьмом году местные власти все же удосужились осмотреть берег и увидели, что еще видны земляные валы, переходы между ними и тайные ходы к Ваге. Еще можно было зарисовать и нанести на план два сохранившихся рва, которые когда-то опоясывали крепость и в которых то и дело находили чугунные ядра. Увы, никто этим не озаботился.

Начиная с шестидесятых годов девятнадцатого века власти стали ссылать в Шенкурск политически неблагонадежных граждан. Побывала в Шенкурске Вера Засулич, побывали члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Меркулов, Романенко, побывал всю жизнь не вылезавший из ссылок социолог, экономист и идеолог народничества Василий Берви-Флеровский, побывал... Впрочем, теперь эти фамилии,

быть может, за исключением Веры Засулич, уже почти никому ни о чем не говорят. Из тех ссыльных, кого усилием воли еще можно вспомнить... Впрочем, по имени и фамилии Григория Мачтета тоже не вспомнить – только по стихотворению «Замучен тяжелой неволей, ты славною смертью почил...», которое он написал на смерть умершего в тюрьме студента Чернышева. Стихотворение это стало революционной песней, которую, как говорят, любил петь в компаниях своих товарищей вождь мирового пролетариата. Именно эта песня в исполнении хора Большого театра звучала на его похоронах. Мачтет написал еще повесть «Блудный сын» об отношениях интеллигенции и народа, но ее уж точно никто не вспомнит. Кто там был блудным сыном – народ или интеллигенция... да и к Шенкурску это не имеет никакого отношения.

Уже в семидесятых годах позапрошлого века в Шенкурске проживало более ста ссыльных. Сидеть и просто ждать, когда окончится срок ссылки и можно будет уехать, эти люди не умели. Они умели агитировать. Правда, их агитация не всегда нравилась крестьянам. В селе Благовещенском ссыльных грузинских социал-демократов за попытки вести агитацию и разговоры о причинах поражения в русско-японской войне крестьяне хотели избить. Не потому, что их не устраивал разбор причин поражения – они его даже слушать не стали, а потому, что крестьяне Шенкурского уезда приняли грузин за японцев и решили, что настал подходящий момент отомстить за поражение в войне.

Многие из ссыльных принадлежали к разным политическим партиям и течениям. Не всегда эти течения мирно текли в одном русле. Случались и завихрения. К примеру, социал-демократы разругались вдрызг с народниками. И все это на глазах у Шенкурских обывателей. В девятьсот первом году начальник архангельского жандармского управления, обратился в департамент полиции с ходатайством о прекращении ссылки в губернию, но было уже поздно – в мае пятого года в Шенкурском уезде в Великониколаевской волости возник первый подпольный политический кружок. Члены этого подпольного кружка приняли деятельное участие в событиях лета и осени того же года. В августе в Шенкурск приехал губернатор, но его приезд на обстановку никак не повлиял – она продолжала накаляться. В октябре некоторые горожане и часть крестьян из окрестных деревень разгуливали по городу с красным флагом¹², пели песни и призывали к свержению самодержавия, а в ноябре в Шенкурске состоялся первый крестьянский уездный съезд, на который собрались сто делегатов из разных волостей. Три дня город кипел – печатались бесчисленные прокламации, обращения (в Шенкурске к тому времени уже была подпольная типография) и расклеивались по всему городу. Полиция сидела тихо и носа на улицы не показывала. Съезд, понятное дело, постановил, что все земли, включая удельные, монастырские, дарственные и частных владельцев нужно отобрать и отдать тем, кто их обрабатывает. Требовали созыва Учредительного собрания, призвали прекратить выкупные платежи за землю, не платить земельного налога, а лесом из удельных дач пользоваться безвозмездно, то есть даром.

Делегаты решили создать «Союз шенкурских крестьян». Избрали уездное бюро и решили на местах, в волостях, организовать сельские комитеты и дружины самозащиты. Что удивительно – в соседнем Вельске или в Каргополе и близко такого не было, а в Шенкурске, как писал местный исправник архангельскому губернатору, «...народ пришел в состояние какого-то неистовства... Полиция бессильна принять репрессивные меры...»¹³. В январе девятьсот шестого года в городе прошел второй крестьянский съезд, объявивший «Союз Шенкурских крестьян» частью Всероссийского крестьянского союза. К осени девятьсот седьмого года беспорядки в Шенкурске все же прекратились. Не без помощи губернских властей, по приказу самого Столыпина пославших туда две роты солдат и почти сотню казаков. Солдаты и казаки под командой вице-губернатора полтора месяца наводили порядок в городе и окрестных деревнях. Арестовали около полусотни активистов крестьянского движения, среди которых были крестьяне, учителя, сельские старосты и писари. Правда, некоторым все же удалось скрыться. Самовольные порубки леса, происходившие во время волнений прекратились, крестьяне повинились,

порубленный лес вернули хозяевам и удельная лесная стража смогла вернуться на места службы.

И все же архангельский губернатор в своем донесении писал: «Наступившее наружное успокоение в Шенкурском уезде, достигнутое исключительно путем репрессивных мер, отнюдь не может еще считаться прочным и продолжительным, ибо все те коренные причины, которые вызвали столь ожесточенную вражду бывших удельных крестьян Шенкурского уезда к уделу, остаются по сие время не устраненными, и, следовательно, есть полное основание предполагать, что крестьянские беспорядки в Шенкурском уезде, в ближайшем будущем, могут возникнуть вновь и притом, быть может, с еще большей интенсивностью»¹⁴. Как в воду глядел.

Вообще в Шенкурске и уезде были большие мастера по части объединиться и выступить единым фронтом. Уже в девятисот первом году важские смолокуры стали объединяться в артели, чтобы противостоять произволу скупщиков смолы и других продуктов смолокурения. К девятисот шестому году артели контролировали почти половину архангельского экспорта. И это не замедлило дать свои результаты – смолокур-артельщик стал получать за бочку смолы на треть больше. Артельщикам мешали чиновники, мешали крупные компании, державшие в своих руках экспорт смолы, но они сумели объединиться и создать Союз смолокурных артелей Важской области, куда вошли артели не только Шенкурского, но и Вельского, и Сольвычегодского уездов. К восемнадцатому году в Союз входило свыше пятидесяти тысяч человек, ему принадлежало шесть барж, два с половиной десятка различных предприятий, среди которых был лесопильный завод в Шенкурске, коммерческое училище и типография. Смолокуры издавали собственный журнал «Важская область», редактором которого был организатор Союза и его председатель правления Александр Егорович Малахов. Журнал, спустя недолгое время ставший, как и весь Союз, поперек горла большевикам. Склады с товарами Союза были не только в Архангельске, Котласе, Москве и Нижнем, но и в Лондоне, Ливерпуле и Ньюкасле. Кроме Союза смолокурных артелей Важской области в уезде действовало более двух сотен самых различных кооперативов и потребительских обществ, которые объединяли более одиннадцати тысяч пайщиков. Это все, конечно, скучные и пыльные цифры, но как подумаешь, что из этого кооперативного движения могло вырасти даже в таком глухом таежном углу, как Шенкурский уезд, даже на такой бедной, каменистой земле и в таком суровом климате, если бы не...

Известие об октябрьских событиях в Шенкурске, который и без того лихорадило, начиная с февраля, приняли с редким единодушием. Уездный съезд Советов, который прошел буквально через пару недель после переворота в Петрограде, подавляющим большинством голосов большевиков осудил. Уездный комиссар, эсер Яков Леванидов, так и сказал: «Съезд с негодованием узнав о преступной попытке большевиков захватить власть за три недели до Учредительного собрания, о братоубийственной войне на улицах Петрограда... призывает все крестьянство самыми решительными мерами бороться с кадетской и большевистской пропагандой, сомкнуться вокруг советов крестьянских депутатов... полное доверие Совету Российской республики и вождю народа Керенскому... С нетерпением ждем созыва свободно избранного Учредительного собрания...»¹⁵.

Подождать до созыва и разгона большевиками Учредительного собрания нужно было недолго – всего два месяца. За эти два месяца большевики исхитрились устроить забастовку на лесопильном заводе, принадлежавшем Союзу смолокуров. Одним из шенкурских большевистских агитаторов был сын местного купца второй гильдии Федора Пластинина Никандр Пластинин, уже успевший к тому времени стать профессиональным революционером, прожившим в эмиграции вместе с женой Ревеккой Пластининой – такой же профессиональной революционеркой, как и он сам, десять лет. Между прочим, вернулись пламенные революционеры в Россию в апреле семнадцатого года в plombированном вагоне вместе с друзьями по партии и ее вождем. Жена Пластинина на лесопильном заводе не агитировала – она была занята организацией женского

социалистического клуба.

Пятого января, в день открытия Учредительного собрания, в Шенкурске открылся Второй уездный съезд Советов. Съезд проходил скучно – все замерли в ожидании результатов работы Учредительного собрания в Петрограде. Председателем избрали левого эсера Георгия Иванова, а вот его заместителем и секретарем были избраны большевики, причем секретарем стала Ревекка Пластинина.

После роспуска Учредительного собрания, Третьего Всероссийского съезда Советов и Первого губернского съезда Советов в конце февраля восемнадцатого года собрали Третий уездный съезд Советов, чтобы разъяснить городу и уезду решения центральных и губернских властей. На этом съезде большевиков и левых эсеров было уже больше, и делегаты, в основном вернувшаяся домой с фронта и распропагандированная молодежь, подавляющим большинством голосов одобрили и роспуск Учредительного собрания и поддержали решения Всероссийского съезда. «Принимая во внимание, что Учредительное собрание было последней ставкой нашего исконного врага – буржуазии... подтасовано буржуазией... приветствуем декрет Центрального Комитета и постановление о роспуске...»¹⁶.

Съезды следовали один за другим. В самом конце марта прошел объединенный съезд Союза смолокуров Важской области и Четвертый съезд Советов солдатских и крестьянских депутатов. Никандр Пластинин произнес зажигательную речь и так зажег делегатов, что часть коммунистов стала требовать расстрела председателя правления Союза смолокуров Малахова. К счастью, обошлось, но после того как часть кооператоров во главе с Малаховым ушла и решила заседать отдельно, съезд все же решил арестовать Малахова и члена правления Союза смолокуров – Дегтева и инструктора Костылева. Их арестовали и препроводили в городскую тюрьму. Это было второго апреля, а через десять дней пришла телеграмма из Совнаркома, о том, что правительство пришло к соглашению с Всероссийскими кооперативными организациями и потребовало прекратить преследование кооператоров. В Шенкурске на эту телеграмму не обратили никакого внимания, а местный Уисполком арестовал еще несколько кооператоров и конфисковал кооперативную типографию. Еще через неделю Малахов и два его товарища по несчастью попросту сбежали из городской тюрьмы. Вернее, ушли, поскольку никто из надзирателей их не стал задерживать.

Забегая вперед скажу, что Малахову удалось эмигрировать и он дожил до пятидесятого года и издал в Лондоне воспоминания «Русская кооперация и коммунисты». Он даже смог продать в Лондоне смолу и пек, принадлежавшие Союзу и хранившиеся там на складах. Дегтева расстреляли в Вологде в сентябре того же года, а Костылева тоже расстреляли, но уже в тридцать восьмом, в Архангельске. То есть его сначала посадили на два года в двадцать первом году, он отсидел, вышел, издал книгу «Новое в смолокурении», потом снова отсидел пять лет, потом работал в Архангельском институте промышленных изысканий, а уж в тридцать седьмом году его взяли насовсем. Что же касается Союза смолокурных артелей Важской области, то он прекратил свое существование тогда же – в апреле восемнадцатого года.

Весной восемнадцатого года Шенкурский УИК потребовал у местного Свято-Троицкого монастыря, у которого зимой уже были конфискованы почти все земли, в трехдневный срок выплатить семьдесят две тысячи рублей. В противном случае власти угрожали конфисковать все церковное имущество. Жители города и близлежащих волостей собрались у здания УИКа, требовали снизить сумму налога и оставить монастырю землю. Через какое-то время толпа проникла и в здание. Небо членам УИКа показалось с овчинку, и они побежали за подмогой на лесозавод. С трудом удалось здание от горожан очистить. Несколько дней УИК был в осаде, и его охранял вооруженный берданками отряд с лесозавода.

В мае в уезде появились первые продотряды, созданные из рабочих. Строго говоря, Архангельская губерния не входила в число губерний, которые должны были поставлять

хлеб для того, чтобы прокормить рабочих в городах. В Архангельской губернии и без того хлеба собирали так мало, что приходилось его завозить, но эти несущественные детали нимало не интересовали председателя Шенкурского УИКа Иванова¹⁷. Немедля уездные власти затребовали у губисполкома пятьсот винтовок и двести пятьдесят револьверов для проведения в жизнь политики партии. В Шенкурском УИКа сидели не просто горячие головы – у части его сотрудников голов не было вовсе. В конце мая восемнадцатого года этот воспаленный орган Советской власти обратился к жителям города и уезда с заявлением: «...Исполнительный Комитет заявляет, что во имя Всемирной Социальной Революции, во имя победы над всемирным союзом буржуазии для достижения намеченных целей Советская власть – власть только трудящихся не остановится сравнивать с землей всю Архангельскую губернию, если это потребует»¹⁸.

В середине июня состоялся пятый уездный съезд Советов. Определенно по количеству съездов Шенкурск был в Архангельской губернии первым, а может, и не только в Архангельской. Обсуждение продразверстки и дополнительных местных налогов на крестьян довело съезд до раскола на правую и левую фракции. Правая голосовала против продразверстки и дополнительных налогов, а левая, состоящая из большевиков и левых эсеров, была за. В день закрытия съезда УИК объявил о созыве нового, шестого съезда через три недели. Волостные советы стали к нему готовиться. Волости в своих наказах требовали присылки хлеба. Это во время продразверстки! Требовали немедленного переизбрания УИКа, требовали четверть доходов от эксплуатации лесных угодий оставлять волостям...

Второго июля, за восемь дней до начала съезда, губернские власти выпустили постановление о частичной мобилизации военнообязанных, общей мобилизации военных специалистов, мобилизации обозных лошадей и повозок. К шенкурской бочке с порохом власть поднесла спичку. В город начали прибывать мобилизованные и устраивать митинги, а на митингах требовать у власти ответа, зачем их призвали. Мало того, они еще и выдвинули власти ультиматум, в котором требовали «Объяснить на какой срок призывают куда и против кого шлют. Если против эксплуатирующих трудящиеся массы, то идти согласны на следующих условиях: гарантия немедленного материального обеспечения семьи до возвращения, обработка их участков земли, освобождение от реквизиции продуктов и скота, выдача по прибытии в Шенкурск оружия, снаряжения, обмундирования и обеспечение довольствием, удовлетворение мобилизованных недополученными деньгами по старым аттестатам за прежнюю службу в армии»¹⁹. Понятное дело, что никаких гарантий власть дать не могла и освободить от реквизиций никого не собиралась, а уж про недополученные деньги за прежнюю службу в армии и говорить было нечего.

УИК принял решение о мобилизации отложить до съезда, а тем временем из Архангельска выехала в Шенкурск комиссия по мобилизации. Шестой съезд большинством голосов мобилизацию не поддержал. Не помогли даже уговоры и давление со стороны архангельской мобилизационной комиссии. Ее председатель – губернский комиссар Новов попросту приказал арестовать лидеров Шенкурской оппозиции. Шесть человек были арестованы и под конвоем латышских стрелков отведены в Архангельскую тюрьму. Меньше чем через три месяца их расстреляют по постановлению Архгубчека. Большинство несогласных с мобилизацией делегатов, а их было более ста человек, покинуло съезд, но большевиков это уже не смущало. Три десятка оставшихся проголосовали за мобилизацию.

Девятнадцатого июля кончился съезд, и в этот же день Коллегия Военных Комиссаров по обороне Архангельского порта и Северного края объявила Шенкурский уезд на военном положении. Митинги и любые собрания запрещались. Еще через два дня в селе Спасском Шенкурского уезда, на мельнице, собрался на совещание комитет мобилизованных²⁰, где присутствовало руководство комитета, состоявшее из бывших офицеров. Кстати, эти офицеры были в основном учителями. Офицерами их сделала

Первая мировая война. На митинг прибыли архангельские комиссары из мобилизационной комиссии, которых немедленно посадили под арест. Комитет отправил парламентариев в Шенкурск, поскольку рассчитывал на мирное разрешение конфликта. Переговоры с УИКом кончились тем, что здание казарм, где заседал УИК, было окружено вошедшими в город отрядами восставших. Тем временем комитет мобилизованных выпустил воззвание к населению Шенкурска и уезда, в котором говорилось: «Власть, назвавшая себя рабочей и крестьянской, нагло обманула народ. Вместо хлеба, мира и воли она дала измученному народу голод, братоубийственную бойню и вконец растоптала все свободы. В довершение всех насилий эта власть объявила новую мобилизацию... Насильники арестованы и находятся в надежном месте. Арестован их руководитель и тиран уезда Иванов».

Засевшие в казарме насильники во главе с тираном отстреливались четыре дня. В уезде началась Гражданская война. Для начала убили случайно проходившего мимо подростка по имени Никифор Лукошков. Помните чугунную пушку, которая была отлита на пушечно-литейном заводе в середине семнадцатого века? Из нее стреляли во время ледохода. Повстанцы зарядили ее и установили в доме напротив казармы. Так она и не выстрелила. Видимо потому, что это был далеко не последний акт пьесы.

Из Архангельска в Шенкурск отправили чрезвычайного комиссара Попова с самыми неограниченными полномочиями. Попов должен был уладить конфликт между властями и населением. Ему дали мотоциклет с водителем, и он поехал, но до Шенкурска добраться не смог – его арестовали восставшие аккуратно у Шенкурского перевоза через Вагу. Сопровождавший его небольшой отряд латышских стрелков разоружили. Попов под строгим присмотром председателя комитета мобилизованных прапорщика Ракитина смог уговорить засевших в казарме сдаться. Все они после того, как сдали оружие, были препровождены в городскую тюрьму. Им гарантировали личную безопасность. При Ревекке Пластининой был десятилетний сын, и ей предложили его оставить у какой-нибудь семьи в городе, но она отказалась, взяла сына в камеру и немедленно объявила голодовку.

Комиссар Попов по телеграфу очень просил Архангельск не присылать войска в Шенкурск, обещая все уладить миром. Само собой, под присмотром прапорщика Ракитина. В Архангельске не поверили и отправили в Шенкурск карательную экспедицию из балтийских матросов и латышских стрелков. Посчитали, что сорока штыков, одной пушки, нескольких пулеметов и десяти тысяч рублей на мелкие расходы хватит, чтобы утихомирить мятежный Шенкурск и уезд. Вместе с Виноградовым в Шенкурск отправился и Никандр Пластинин – он к тому времени уже был секретарем губкома. Из Архангельска поплыли они по Северной Двине на барже, которую тащил буксир, а потом по Ваге на пароходе. По мере приближения отряда Виноградова к Шенкурску обстановка в городе менялась. Крестьяне близлежащих волостей решили держать нейтралитет. Крестьяне любят и умеют в нужный момент держать нейтралитет. Они, понятное дело, были бы и рады помочь повстанцам, но где взять оружие... Повстанцы решили город не оборонять, а отступить в верхние волости уезда и туда же с собой забрать арестованных, чтобы их отдать под суд. Народный, то есть крестьянский. С архангельских комиссаров просто взяли честное слово и отправили на станцию Няндомы без всякого конвоя. Еще и накормили. Еще и дали лошадей. Комиссары пообещали поговорить с Шенкурским УИКом, чтобы он оставил в покое... Короче говоря, обещали переговорить. Через год или даже через полгода комиссаров расстреляли бы на месте, а пока Гражданская война только начиналась. Арестованных забрали не всех, а из тех, что забрали, один по дороге ухитрился сбежать. Вернее, одна. Этой одной была Ревекка Пластинина.

Все это происходило в последних днях июля. Первого августа в город вошел отряд Виноградова. Второго августа он объявил Шенкурск на осадном положении и приказал освобожденному из тюрьмы УИКу немедленно организовать Ревтрибунал и арестовать представителей буржуазии и кулачества с целью подавления внутренней контрреволюции.

Начались аресты. В следующем приказе было сказано, что «за каждого погибшего члена Губисполкома, Исполкома и других заложников, находящихся в руках бежавших главарей из комитета мобилизованных, будут расстреляны десять человек из числа пленных и заложников, принадлежащих к лагерю контрреволюции и буржуазии». Павлину Федоровичу Виноградову в ту пору было двадцать восемь лет. С пятнадцати лет он состоял в партии большевиков, уклонялся от призыва в царскую армию, успел побывать на каторге в Сибири, сидел в Шлиссельбурге, брал Зимний... Если бы его не убили через месяц с небольшим в бою с белыми, этот комиссар пошел бы далеко. Мог бы дожить до тридцать седьмого года.

Пока наводили революционный порядок в Шенкурске и рубили головы гидре внутренней контрреволюции, вдруг оказалось, что первого августа в Архангельске случился переворот, власть перешла к белым, а в устье Двины вошел английский крейсер и десантный транспорт. Эвакуированные советские власти Архангельска на пароходах быстро поплыли вверх по Двине. Кое-кто хотел остановиться в Шенкурске, вырыть окопы и дать бой интервентам, но... из стратегических соображений решили все же двигаться дальше вверх по Двине по направлению к Котласу. Восьмого августа белые с помощью англичан сформировали в Архангельске флотилию из четырех речных судов. Три из них пошли вверх по Северной Двине, а четвертый, «Лев Толстой», пошел вверх по Ваге к Шенкурску.

Пока белые с союзниками наступали, в Шенкурске и уезде... шла подготовка к чрезвычайному съезду Советов. Восьмого августа съезд приступил к работе. Белые и союзники уже подошли к месту впадения Ваги в Северную Двину, которое отстоит от Шенкурска на сто километров, а делегаты съезда принимали решение о немедленном аресте руководителей восстания мобилизованных и создавали ревизионную комиссию для оценки ущерба, причиненного народному хозяйству города и уезда. Посчитали все расхищенные новые гимнастерки, старые ботинки, погоны, фуражки, старые гимнастерки, шаровары, стеклянные фляги и... тут пришла телеграмма о том, что белые уже поднимаются вверх по Ваге и нужно срочно эвакуироваться. Двенадцатого августа ночью все председатели, их заместители и секретари вместе с военным отрядом погрузились на пароход «Шенкурск» и утром поплыли вверх по реке по направлению к Вельску. Через недолгое время председатель Вельского УИКа телеграфировал в Вологду о прибытии тридцати двух шенкурских товарищей и отряда красноармейцев, которые «своим разнuzданным поведением взбудоражили все местное население».

В середине августа в Шенкурске уже работала новая власть. Комендантом города был назначен руководитель восстания мобилизованных Максим Ракитин. Первого сентября было созвано земское собрание гласных прежнего созыва, а на следующий день в город вошли части шотландцев, приплывшие по Ваге на пароходе «Лев Толстой». Нельзя сказать, что новую власть приняли в Шенкурске и уезде с восторгом. Жители города и крестьяне уже не доверяли никакой власти. Уезд раскололся на три части. Одни держали сторону большевиков, а те, кто с ними был знаком поближе и уже успел хлебнуть горя, повернулись к большевикам, мягко говоря, спиной. Третья, и самая многочисленная часть выжидала. С востока к Котласу рвался Колчак, а со стороны Архангельска наступали белые и их союзники. Маленький Шенкурск оказался между молотом и наковальней.

Почти пять месяцев Шенкурск был оккупирован белыми, канадцами и американцами. Запасливые интервенты устроили в городе огромные склады, в которые завезли большое количество оружия, консервированных продуктов и добротного обмундирования. Шенкурск был сильно укреплен, но... в середине октября англичане решают прекратить наступление на Вельском направлении. Решили его отложить до весны, а весной, когда Северная Двина и Вага освободятся ото льда, с помощью речной флотилии можно будет успешно наступать. Пока решили зазимовать в Шенкурске. И без того войска отошли от базы в Архангельске почти на четыреста верст. Американцам эта

бескрайняя заснеженная страна представлялась едва ли не Марсом. Снег, выпавший уже в середине октября, показался им зловещим знаком. Они вообще плохо понимали, какого черта они тут мерзнут и постоянно отбивают атаки красных. Они страдали от холодов и нехватки табака. Пробовали курить сено и листья чая. Не понравилось. Еще хуже были листья хмеля, которые им предложили крестьяне. В одной из стычек в конце ноября красные прижали к крутому берегу Ваги и уничтожили американский патруль. Американцы потом писали, что труп американского лейтенанта красноармейцы обезглавили, разрубили на куски и бросили. Его похоронили в Шенкурске, в закрытом гробу. Вот за этим американцы точно сюда не собирались.

К несчастью, о планах союзников спокойно перезимовать красным было ничего не известно. Последние в конце января начали наступление на Шенкурский выступ, имея трехкратное превосходство в живой силе и артиллерии. Нельзя сказать, чтобы американцы и канадцы стояли насмерть, обороняя Шенкурск. Они просто собрались и ушли из него в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое января. Вместе с ними ушел отряд белогвардейцев, отряд Славяно-Британского легиона и часть шенкурян. Как писал через четыре года один из американских участников тех событий, «В серых арктических сумерках Шенкурск нервно сжался, как затравленный заяц, лежащий в снегу, притворился мертвым, чтобы обмануть охотника. Слабые огоньки света пробивались сквозь щели плохо закрытых окон...»²¹. Прикрывал отход русский добровольческий Шенкурский батальон²².

Свои вступали в город, пленных не щадя... Начались грабежи американских складов. Кроме самих победителей, у которых руки были по локоть в американских консервах, винных погребах и английской военной форме, в город со всей круги съехались мародеры. Из Вологды постоянно требовали наступать дальше, но куда там... С большим трудом прекратили пьяные дебоши на улицах и грабежи. Устроили парад, и войска прошли торжественным маршем по Сретенской площади. После парада продолжили растаскивать то, что осталось на складах, и так увлеклись, что стали грабить население. Вернувшаяся Советская власть ввела в городе классовый продуктовый паек. В город вернулся УИК. Тюрьма так переполнилась всеми теми, кто был замечен в связи с белыми и их союзниками, что ее начальник стал жаловаться Военно-революционному Комитету. В Комитете долго не думали и приказали «принять энергичные меры к производству следствия, находящихся в доме заключения лиц по возможности к разгромождению таковой от элемента ярко контрреволюционного»²³. Можно себе представить, что ВРК подразумевал под «разгромождением». Аресты, расстрелы и грабежи совместили с непримиримой антирелигиозной борьбой. В Шенкурске были запрещены все богослужения. Спустя некоторое время все же разрешили службу в городском соборе, но, чтобы никакого колокольного звона. За колокольный звон можно было сесть в переполненную тюрьму. И тут получилась неувязка. Не все советские граждане, включая и ответственных работников, изжили... порвали... отреклись... Короче говоря, советские граждане хотели венчаться. Хоть кол им на голове теши. Пришлось сдавать назад. Через три дня после взятия Шенкурска ВРК предписал священнику Кьяндского прихода Лыскову «немедленно обвенчать товарища Спиридонова Филиппа Александровича и никаких недоразумений о том, что он разведен бракоразводным отделом Архангельского Губисполкома с вашей стороны быть не может»²⁴. Какие уж тут недоразумения, когда в это же самое время священников, агитировавших против Советской власти, призывавших благословение на иностранных захватчиков и принимавших участие в восстании мобилизованных, расстреливали, а отчеты о расстрелах публиковали в городской газете «На борьбу».

Через какое-то время Красная армия пошла дальше на север, а в израненном и измученном войной Шенкурске началась мирная советская жизнь с раскулачиванием, коллективизацией, пионерскими и комсомольскими отрядами, неурожаем в двадцатом году и созданием в этом же году краеведческого музея. В тридцатом на лесозаготовках

появились электропилы. Образовался Важский союз смолокурных кооператоров. Правда, от прежнего союза в нем было только название. Кроме обычной смолы и канифоли стали производить больше скипидара, уксусной кислоты и порошка уксуснокислого кальция, который применяют в пищевой промышленности. В районе появилось большое количество ссыльных с Украины. Их не расселяли по деревням. Их просто завозили в тайгу, и они сами строили себе поселки, работали на лесоразработках и умирали, умирали.... Местных раскулаченных отправляли еще дальше – на Урал и в Зауралье, на берега Печоры. В тридцать втором году открыли педагогический техникум, а через два года его реорганизовали в педагогическое училище. В тридцать шестом от удара молнии сгорел деревянный восьмиглавый Михайло-Архангельский собор и сильно обгорел соседний каменный Благовещенский. Оба они стояли на высоком берегу Ваги и ни одна дореволюционная фотография Шенкурска без них не обходилась. Поначалу власти использовали остатки Благовещенского собора под склад, а потом и эти остатки разобрали на строительные нужды. Теперь здесь детская площадка и о том, что здесь стояли два собора, не напоминает ничего, кроме маленькой кирпичной сторожки.

Во время войны местные леспромхозы, помимо заготовок леса и пиломатериалов, изготавливали лыжи, костыли, деревянные подошвы и обувь на деревянных подошвах, деревянные лопаты и санитарные двуколки, шили полушубки, собирали для фронта лекарственные растения и ягоды. Для того чтобы получить кусок туалетного мыла, нужно было сдать два килограмма сушеной черники, килограмм малины, два килограмма черной смородины, три килограмма шиповника и килограмм спорыньи. За два куса мыла нужно было отдать килограмм валерианового корня или десять килограммов разных лекарственных трав. На постройку танковой колонны жители района сдали около двух миллионов рублей. Больницу переоборудовали в эвакуогоспиталь. В бывшем Свято-Троицком монастыре разместили детский дом. Там устроили более двухсот эвакуированных детей. Половина из них – сироты. Дети собирали металлолом и золу, которой удобряли поля. Сами шенкуряне и жители района питались впроголодь. Ели то, что выращивали на огородах. Ели цветки клевера, кислицу, молодые побеги и листья борщевика. На лесоповале давали хлеб и муку, разболтанную в кипятке. Из той нормы овса, которая полагалась на лошадь, можно было тайком выкроить себе горсть или две, поджарить их и съесть. В сорок четвертом району дали переходящее красное знамя Государственного Комитета Оборона. Две третьих из тех десяти тысяч, что ушли на фронт, не вернулись.

После войны стали жить, конечно, лучше. В пятидесятых годах здесь начали выращивать яблоки. В Вельске, который на сто сорок километров южнее, их выращивали уже с начала двадцатого века, а сюда они добрались только через пятьдесят лет. Педагогический техникум закрыли потому, что учителей начальных классов выпустили так много, что их некуда было трудоустроить. В семидесятых в городе стали появляться первые газовые плиты, работающие на привозном баллонном газе. Часть улиц замостили бетонными плитами, поскольку асфальта не хватало. То есть не было совсем. Плиты до сих пор лежат. Правда, часть из них поднялась, и ездить по городу надо очень осторожно. Зато никому даже и в голову не придет превысить скорость. В семьдесят третьем случился пожар в монастыре. В бывшем, конечно, монастыре. В тамошней церкви в то время работал кинотеатр. Назывался «Имени революции девятьсот пятого года». Танцы были, и духовой оркестр играл. После пожара власти хотели то, что осталось, взорвать и разобрать, но вызванные взрывники сказали, что стены очень крепкие – от взрыва пострадают окрестные дома. Власти и отступились. Теперь-то прихожане внутри все вычистили и все входы на всякий случай забили досками. На нижнем ярусе полуразрушенной колокольни даже установили колокола, но восстановить монастырь сил нет. В том смысле, что денег. Приезжал в девяносто седьмом году один богатый человек из Москвы, обещал, обещал... да так ничего и не сделал. Духовой оркестр, который играл в сгоревшем кинотеатре, сам по себе умер в восемьдесят седьмом, но его никто

восстанавливать не собирается. Еще был совхоз-миллионер с множеством коров, маслозаводом и овощами. Он как и духовой оркестр...

В семидесятые приходили по Ваге пароходы из Архангельска с углем и продуктами. Теперь не ходят – Вага сильно обмелела, да и дно ее стало из-за многочисленных молевых сплавов леса практически деревянным, устланным мореной древесиной. В перестройку приезжали в Шенкурск разные шустрые ребята и предлагали дно от мореного дерева освободить – дескать, чистое дно и судоходная река ваша, а древесина наша. Власти, конечно, заволновались, стали считать возможную прибыль... и решили не соглашаться на заманчивые предложения. Вдруг их обманывают, а оно того... оно больше как-нибудь стоит. Так и осталась Вага в Шенкурском районе несудоходной, и по ней никакие пароходы теперь не ходят. Да и уголь теперь не нужен. Леса пилят в округе столько, что городская котельная круглый год работает на одних опилках. Лес, как мне сказали, скупили на корню богатые люди из обеих наших столиц. Зимой его валят, а в остальные времена года пилят. На лесоповале можно заработать до тридцати тысяч, а на пилорамах – двадцать. Не бог весть какие деньги, но других возможностей заработать в Шенкурске нет.

Есть в Шенкурске аэропорт. Правда, давно заброшенный. Построили его еще в восьмидесятых. Часы на баше аэропорта остановились. Теперь никто отсюда не улетит и сюда не прилетит, а раньше можно было улететь и в Архангельск, и в Вологду. Да что в Вологду – до Ленинграда можно было долететь за три часа. Кукурузники летали по всему району. В здании аэропорта имелся буфет, и в нем можно было заказать коктейль «Старый смолокур», приготовленный из стакана водки, настоянной на зеленых сосновых шишках, с двумя каплями очищенного живичного скипидара.

– За что вы любите свой Шенкурск? – спросил я сотрудницу Шенкурского краеведческого музея Клавдию Ивановну Дунаеву, заранее зная ответ. Обычно жители таких тихих, полумертвых или полуживых провинциальных городков и сами не знают, за что их любят. Их вообще любят, если, конечно, не ненавидят, не за что, а потому что. Чтобы от них отвязались с расспросами, скажут, что любят за тишину, за неторопливость, за рыбалку, за чистый воздух, за грибы и ягоды... Клавдия Ивановна ответила сразу:

– За то, что мы не боимся друг друга.

И посмотрела на меня, москвича, с сочувствием.

---

¹ Интересно, что в новгородской летописи Василий Степанович Едемский упомянут под именем Василия Шенкурского.

² Цит. по: Овсяников О.В. Шенкурск. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1978. С.37.

³ Цит. по: Трошина Т.И. К вопросу о Вельском союзе хлеборобов // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 64.

⁴ Цит. по: Овсяников О.В. Указ. соч. С.37.

⁵ Там же. С.45.

⁶ Там же. С.42-43

⁷ Были, конечно, и более прозаические события вроде волнений удельных крестьян в двенадцатом году. Мужики Тарнянской волости отказались платить подати. Власти послали к мужикам помощника управляющего Архангельской удельной конторой надворного советника Мадинова и с ним разных чинов для строгого разговора с отказниками. Шенкурский исправник докладывал начальству, что еще ночью, у избы, где остановилось начальство, «около ста человек, не приходя в избу, обстояли кругом двора, учинили крик и непорядочные ругательства». Это в одной деревне, а в другой дело дошло до того, что командировочные из Архангельска со страху заперлись в избе десятского, но толпа «окончины кольем выбили и разнесли двери, зашед в избу всех жестоко избивали».

Всего же отказалось платить подати десять деревень Шенкурского уезда. Уездные власти писали архангельскому военному губернатору, что удельные крестьяне не платят податей «единственно из упорства и последования ложным внушениям развратного поведения их собратии». Бунт все же подавили, прислав роту солдат.

⁸ Форшмейстер – лесничий.

⁹ Между прочим, жалованье городничего и уездного судьи в те времена составляло триста рублей в год. Так что Странден и Львов пожертвовали почти половину своего месячного заработка. Конечно, скажет читатель, помним мы прекрасно и Антона Антоновича Сквозника-Дмухановского, и Аммоса Федоровича Ляпкина-Тяпкина. Знаем мы, как жили они на жалованье... Не все, однако, городничие и судьи были такими. И вообще. Представьте себе хотя бы на мгновение руководителя районной администрации и районного судью, отдающих половины своих месячных заработков на нужды школы. Представили? То-то и оно... Секретаря райсуда и бухгалтера можете не представлять.

¹⁰ Цит. по: Сметанин В.А. Становление Шенкурского уездного училища (Первая половина XIX века) // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 293.

¹¹ Цит. по: Студенцова Е.О. Сооружение грунтовой дороги от г. Шенкурск до ст. Няндомы Вологодско-Архангельской железной дороги в конце XIX – начале XX в. // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С.326.

¹² Флаг этот с надписью «Свобода. Равенство. Братство» чудом сохранился и висит теперь в краеведческом музее рядом с иконой преподобного Варлаама Важского (в миру Василия Степановича Едемского), фотокопией рядной записи о покупке Шенкурского погоста новгородским боярином Василием Матвеевичем Едемским у старосты Азики с братией и фотокопией фотографии, на которой Яков Иванович Едемский, далекий потомок новгородского боярина Василия Матвеевича Едемского, сидит под лозунгом эсеров. Не то чтобы все смешалось в доме Едемских, но...

¹³ Цит. по: Овсяников О.В. Указ. соч. С.55

¹⁴ Цит. по: Овсянкин Е.И. Огненная межа. Архангельск, 1997. С.19-20

¹⁵ Цит. по: Зобнин А.Н. Противостояние. Шенкурский уезд Архангельской губернии. 1918-1920 годы. Санкт-Петербург, 2018. С.10.

¹⁶ Там же. С.21.

¹⁷ Белогвардейский журнал «Важская область» писал в восемнадцатом году: «...Председатель УИКа Иванов не был похож на председателя в обычном понимании о таком, а представлял нечто похожее на самодержца, разрешавшего высказывать лишь то, что желательно его воззрениям...» Георгий Иванов был из тех Ивановых, о которых Саша Черный писал: «...А вокруг от Ивановых содрогается земля». От Георгия Иванова она содрогалась недолго – в девятнадцатом году он умер от тифа в Архангельской тюрьме. В нынешнем Шенкурске есть улица Георгия Иванова. И улица Никандра Пластинина есть. И обе они впадают в улицу Ленина. А куда им, спрашивается, еще впадать... Есть еще улица Хаджи Мурата. Не толстовского, а Хаджи Мурата Дзарахохова. Он командовал эскадром красных кавалеристов и воевал на Вельско-Шенкурском направлении. В тридцать шестом написал книгу воспоминаний «Жизнь Мурата Дзарахохова, рассказанная им самим». В ней он не писал, что его эскадрон за собой таскал целый обоз из сотни подвод с награбленным имуществом. Не писал и про то, как после сдачи белыми Архангельска его отряд использовался Архгубчека в качестве расстрельной команды.

-----
* Цит. по: Зобнин А.Н. Указ. соч. .С.35
-----

¹⁸ Там же. С.34.

¹⁹ Там же. С.47.

²⁰ Если бы события восемнадцатого года собрать и рассыпать в прошлое Шенкурска и уезда, то наверняка хватило бы если не до покупки Едемским Шенкурского погоста у старосты Азики с братией, то уж точно до постройки крепости при Михаиле Федоровиче. Впрочем, такой бурной истории никакому городу не пожелаешь.

²¹ Цит. по: Зобнин А.Н. Указ. соч. С.280.

²² Командира Шенкурского добровольческого батальона штабс-капитана Воробьева расстреляют в декабре двадцатого. Прапорщика Ракитина красным выдаст крестьянка деревни Монастырской Шахановской области Шенкурского уезда. Его заставят отречься от белого движения и напечатают это отречение в газете «На борьбу», а затем расстреляют в мае двадцатого года в Архангельске. Никандр Пластинин доживет до тридцать седьмого года и умрет в тюрьме Нижне-Удинска. Иван Боговой, председатель Шенкурского УИКа с восемнадцатого по двадцатый годы, будет расстрелян в тридцать седьмом. Шенкурский уездный военком Василий Боговой, впоследствии кавалер двух орденов Красного Знамени, будет расстрелян в тридцать седьмом. Комиссара Попова расстреляют в тридцать седьмом. Только Ревекка Пластинина умрет своей смертью в пятидесятом году.

²³ Цит.по: Зобнин А.Н. Указ. соч. С.301.

²⁴ Там же. С.302.